

¹ Корнишина Г.А. Традиционные обряды детского цикла у мордвы // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры: Сб. ст. научного семинара. – М.: РГГУ, 2001. – С. 87.

² Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: этнографический справочник. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 212, 213, 237.

³ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – С. 44.

⁴ Добровольская В.Е. Институт повивальных бабок и родильно-крестильная обрядность (по материалам экспедиций 1994–1997 гг. в Судогодский район Владимирской области) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры: Сб. ст. научного семинара. – М.: РГГУ, 2001. – С. 96.

⁵ Бесермяне – финно-угорский народ, дисперсно проживающий на северо-западе Удмуртии; до 1995 г. – этнографическая группа в составе удмуртов.

⁶ Попова Е.В. Семейные обычаи и обряды бесермян. – Ижевск, 1998. – С. 41, 42.

⁷ Корнишина Г.А. Указ. соч. С. 81.

⁸ Марийцы. Историко-этнографические очерки: Коллективная монография. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. – С. 174.

⁹ Добровольская В.Е. Указ. соч. С. 99.

¹⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки... Указ. соч. С. 174.

¹¹ Христолюбова Л.С. Обрядность и мифология // Удмуртская мифология. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2004. – С. 106.

¹² Романова Г.Н. Традиционное воспитание детей у коми // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. – Л., 1991. – С. 19; См. также: Никонова Л.И., Кандурина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. – Саранск, 2005. Особенно эффективными, а потому обязательными были обереги, якобы закрывающие, ограждающие тело беременной и плод от проникновения вредоносных сил, дурного глаза, от возможности подмены: веревочка, кусочек сети, поясок на талии (особенно важен был для беременной, так как предотвращал возможность подмены или порчи ребенка), нитка с ягодой пиона, бусы, крестик на шее, платок на голове. В некоторых случаях, беременная могла носить два пояса, повязав один под одеждой. Считалось, что функцию оберега выполняла булавка или брошка, приколотая к изнанке одежды. Полагали, что будущая мать не должна рассказывать о своем самочувствии посторонним.

¹³ Илюха О.П. Указ. соч. С. 44, 45.

¹⁴ Попова Е.В. Указ. соч. С. 45.

¹⁵ Беляева Н.Ф. Этнопедагогика // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. – С. 896.

¹⁶ Корнишина Г.А. Указ. соч. С. 83.

¹⁷ Никонова Л.И. Этномедицина // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. – С. 891.

¹⁸ Беляева Н.Ф. Указ. соч. С. 83.

¹⁹ Полевые материалы А.А. Кирсановой. Экспедиция в Горномарийский район Республики Марий Эл. 2010.

²⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки... С. 175.

²¹ Там же. С. 176.

²² Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Марий Эл. 2009.

²³ Попова Е.В. Указ. соч. С. 58.

²⁴ Романова Г.Н. Указ. соч. С. 20.

²⁵ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65 а. Л. 41.

²⁶ Там же. Л. 40.

²⁷ Там же. Л. 48.

²⁸ Там же. Л. 63, 64.

²⁹ Ильина И.В., Уляшев О.И. Жизненные пути-параллели: Мужской путь (мортгуй) и женский путь (аньтуй) // Арт – культура и история, литература и искусство Республики Коми. 2008. – № 4. <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/4/296/297> (дата обращения 17.01.2012).

³⁰ Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Мордовия. 2007.

³¹ Устное сообщение Е.В. Поповой (1968 г. р.), г. Ижевск, Республика Удмуртия. 2006.

³² Плесовский Ф.В. О параллелизмах во фразеологии коми и удмуртов // Об удмуртском фольклоре и литературе. Ижевск: Уд НИИ, 1973. – С. 105.

³³ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

³⁴ Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология... С. 278, 279, 241.

³⁵ Корнишина Г.А. Указ. соч. С. 428, 431.

³⁶ Марийцы. Историко-этнографические очерки... С. 177, 178.

³⁷ Ильина И.В., Уляшев О.И. Указ. соч.

³⁸ Попова Е.В. Указ. соч. С. 66.

³⁹ Марийцы. Историко-этнографические очерки... С. 179.

Письменные нарративы краеведов как источник для изучения этнической идентичности (на материале тверских карелов)

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФИШМАН

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии
народов Северо-Запада России и Прибалтики
e-mail: olga_fishman@mail.ru

Статья продолжает серию публикаций автора о начальном этапе формирования историко-биографического дискурса тверских карелов советского периода. В ней предпринят анализ письменных нарративов карельских краеведов, исходя из существующих в настоящее время различных направлений биографических исследований, адаптированных для решения конкретных задач этнологического исследования: выявление особенностей индивидуальной этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: письменный нарратив, источник, биографический метод, этническая идентичность, тверские карелы, краеведы, советская эпоха.

UDC 39 (930.2)

Written Narratives by Local Lore and Area Study Specialists as a Source for Studying the Ethnic Identity of the Tver Karels

OLGA M. FISHMAN, D.Sc. (History)

Head, Department of the Ethnography of the Peoples of the North-West of Russia and the Baltics,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: olga_fishman@mail.ru

The article is a sequel to the writer's series of publications about the initial period in the formation of the historical and biographical discourse of the Tver Karels of the Soviet epoch. The writer attempts to analyze written accounts by Karel specialists on the local lore and area study, proceeding from diverse present-day approaches to biographical research adapted to the handling of specific tasks of ethnological investigations, such as the establishment of peculiarities in the individual's ethno-cultural identity.

Key Words: written narrative, source, biographical analysis, ethnic identity, Tver Karels, local lore and area study specialists, Soviet epoch.

В последние десятилетия сформировались новые теоретические и прикладные направления, интерпретационные модели и аспекты изучения различных типов идентичности (от личной до коллективной).

Одним из них является междисциплинарное биографическое исследование, синтезирующее методологические приемы этнографии, персональной и устной истории, социальной и исто-

рической психологии, литературной биографии¹. В центре внимания – внутренний мир конкретной личности, «изучение течения всей жизни человека, ее внутренней динамики, ее «встроенности» в социум, субъективного управления и приобретенного опыта»², представлений индивидуума об историческом процессе и развитии культуры.

Современное биографическое исследование испытывает все теоретические, методологические и фактографические сложности, с которыми сталкивается сегодня социогуманитаристика, прежде всего ориентированная на изучение самоидентификации представителей тех или иных микро- и макрообществ. С позиции историков, это во многом связано с отсутствием релевантного объема источников³. Поэтому в настоящее время сформулирована задача междисциплинарного анализа «индивидуального сознания и поведения отдельных представителей элитных групп, которые имели гораздо больше шансов “высказаться” в источниках, для проведения в дальнейшем сопоставительных процедур»⁴. Однако наряду с мемуарами известных людей, зачастую основанными на персональных/семейных архивных материалах, не меньшую ценность представляют воспоминания, автобиографии и биографии ничем не знаменитых людей. Помимо этих видов источников, общими для названных исследовательских направлений являются и другие тексты/нарративы. Это повествования, истории, рассказы, записанные в ходе различных интервью (полевые записи этнографов, фольклористов, историков и др.), или самостоятельно подготовленные тексты по семейной истории, генеалогии, мемуары, воспоминания, дневники, подборки писем, альбомы с комментариями владельцев. Все эти многообразные виды эгодокументов (в зарубежной литературе: *life stories, family history, oral history, biographical interview, recits de vie, autobiographies, genealogies, Biographieforschung, Lebenslaufforschung* etc.) создаются для описания, упорядочения и реконструкции социального опыта, образа жизни, индивидуальной и коллективной памяти о тех или иных событиях. При этом набор нарративных форм каждого индивидуума «переплетается с более широким культурным набором дискурсов, которые определяют, кто какую историю рассказывает, где, когда и кому» и ограничивается личными социально-коммуникативными и лингвистическими способностями⁵.

Методика изучения различных нарративов уточняется в зависимости от предмета исследования. Так, в последние десятилетия появилось немало работ, в центре внимания которых – биографический дискурс крестьянского общества⁶, в том числе представителей локальных и конфессиональных групп советской эпохи⁷. При этом у большинства историков и социальных психологов сохраняются весьма устаревшие представления о возможностях этнологии по изучению как коллективной, так и

индивидуальной, прежде всего, этнической самоидентификации, исследование которой остается прерогативой именно этой дисциплины.

Так, В.Б. Голофаст полагает, что «в отличие от этнографов, социологи не считают своих собеседников анонимными, но внимательно присматриваются к их социальному пути и положению, окружению, опыту и кругозору. Отсюда такой интерес к автобиографиям и к генеалогиям семей, которые дают фактическую социокультурную глубину, хронологию и привязку к социальной истории, а не отсылают к условной бездонности традиции»⁸. В. Фукс-Хайнриц, излагая историю биографического метода, ссылается лишь на то, что «из этнографии проистекает интерес к описанию выдающихся личностей среди “примитивных” народов»⁹. Количество подобных оценок достаточно велико. Однако подчеркну, что для социолога сельские жители «вообще не фигурируют в корпусе биографического фонда»¹⁰ и тем самым исключены из контекста исследований факторов формирования индивидуального или группового самосознания. Изучение же авторства и соответственно биографии автора того или иного текста – будь то эпический сказитель, причитальщица, знаток местной истории и обычаев, грамотей и книжник (зачастую совмещенные в одном лице) – всегда были в центре внимания этнографов, фольклористов, археографов и лингвистов.

Этнология отличается от устной и тем более современной интеллектуальной истории массовостью источников, их хронологической «протяженностью», необходимой для репрезентативного сравнительного изучения «жизненных историй» представителей различных этнокультурных сообществ.

В настоящей статье, которая продолжает серию публикаций о начальном этапе формирования историко-биографического дискурса тверских карелов советского времени¹¹, будет предпринят анализ письменных нарративов, исходя из существующих в настоящее время различных направлений биографических исследований, адаптированных для решения конкретных задач этнологического исследования: выявление особенностей индивидуальной этнокультурной идентичности.

Для анализа будут использованы тексты известных карельских краеведов А.А. Белякова, К.В. Манжина и А.И. Лебедева, которые в 1950–1970-е гг. скрупулезно собирали и записывали различные исторические, этнографические, фольклорные и лингвистические сведения о тверских карелах. Значительная часть этих

материалов носит мемуарный и автобиографический характер. Все они хранятся в личных фондах Государственного архива Тверской обл. (далее – ГАО), ряде других архивов Твери и Тверской обл. и лишь малая доля публиковалась ранее в провинциальных газетах. Исключением до недавнего времени была научно-популярная книга А.Г. Кирсанова «Край наш Бежецкий» (1964), переизданная в 2009 г.¹². Кроме того следует назвать две статьи А.А. Белякова и К.В. Манжина, опубликованные в последние годы¹³.

Все они имеют исключительную источниковедческую и научную ценность, прежде всего, в связи с тем, что принадлежат перу представителей национальной элиты, сформировавшейся в советское время из крестьян и так называемых «выдвиженцев». Именно это позволило предположить, что в основе их письменных нарративов об истории и культуре карельского крестьянства в том или ином виде сохранены коллективные знания и представления. Общеизвестно, что избирательность общественного и личного сознания зависит от определенного набора историко-мировоззренческих ценностей, опирающихся на стереотипы и идеологические установки конкретной эпохи¹⁴.

Как карельские краеведы, учителя, преподаватели, будучи в различной степени участниками процесса создания, недолгого существования и ликвидации в 1930-е гг. Карельского национального округа, использовали историко-документальный и устный легендарный материал, а также собственные профессиональные знания и способности для воссоздания истории Тверской Карелии? Что избиралось ими из традиционных карельских мифологических и исторических представлений и способов их индивидуального и коллективного осознания и как интерпретировалось? Существует мнение, что адаптация сельских жителей к новой социально-культурной ситуации осуществлялась в послеволюционное время с позиции практики выживания, а на уровне сознания – через перекодировку согласно правилам и нормам крестьянского мировосприятия¹⁵. Глубоко укорененная самоценность крестьянского труда и образа жизни позволяла не замечать альтернативного характера новой идеологии, а длительность процесса «врастания» в нее – оставаться крестьянами. Всегда ли так? В какой степени содержание и характер письменных нарративов названных авторов дают возможность выявить главные сближающие их биографии этносоциальные каузальные факторы, обнаружить общие типические черты, близкие концепты этнической идентичности?

При ответе на эти вопросы я исхожу из формулировки биографического метода, данной известным отечественным психологом Б.Г. Ананьевым. Он подчеркивал, что использование этого метода позволяет «делать умозаключения о характере, самосознании, жизненной направленности, таланте и жизненном опыте той или иной личности», которая понимается как «современница эпохи и сверстница поколения, как объект и субъект общественных отношений и исторического процесса, субъект общения и общественного поведения – носитель нравственного сознания»¹⁶.

Значительное эпистолярное наследие, отчасти малоизвестное, отчасти не использованное в должной мере исследователями, принадлежит Алексею Антоновичу Белякову (1901–1995) – крестьянину по происхождению, филологу по образованию, краеведу и бытописателю тверских карелов по призванию, известному общественному деятелю 1930-х гг. Карельского национального округа, жертве сталинских репрессий, многие десятилетия преподававшему в Калининском пединституте (1937–1941; 1946–1961 гг.). В целом, биографию А.А. Белякова можно рассматривать как изображение «модельного варианта жизненного пути» человека советского общества 1920–1960-х гг.

В одной из предыдущих публикаций мною была изложена достаточно полная его биография¹⁷. Здесь же обратимся к текстам самого А.А. Белякова, в которых автор пытается осмыслить историю тверских карелов и социальных изменений общества через размышления о своей жизни, закономерностях своей судьбы.

Биографический нарратив Белякова относится по виду/жанру к автобиографическим мемуарам и назван им «Эпизоды жизни. Воспоминания» (116 машинописных страниц); он завершил его в 1972 г. в возрасте 71 года. Знаменательно оглавление, структурирующее текст: «Золотое детство»; «Высшее начальное училище»; «После окончания ВУ»; «Школа II ступени»; «Как я учительствовал»; «Организация с/х артели»; «В деревне после армии»; «Дербужинская комсомольская организация»; «Козловская комсомольская организация»; «Козловская школа крестьянской молодежи»; «В Москве»; «В Лихославле»; «Опять в Москве»; «В Калинин»¹⁸.

Текст начинается с фразы: «Нам (в смысле “мне”. – О.Ф.) вспоминается дореволюционное время. Для сравнения с настоящим в связи с воспоминаниями включаем и некоторые рассказы, слышанные и имеющие отношение к нашей биографии»¹⁹.

Прежде всего А.А. обращается к памяти своих дедов и подчеркивает, что его детство «прошло в то время, когда были живы старики, которые помнили крепостное право, а у взрослого населения живы были рассказы об этих временах. Мой дед Иван Карпов (дед по отцу. – О.Ф.) рассказывал, что в деревнях Бор и Осташкове, которые находились в восьми верстах от нашей деревни, приходили солдаты и секли плетью крестьян. Многие крестьяне убежали от побоев. Один из беглых крестьян жил у дедушки и сделал ему большую кадку, ведер на шорок, и в этой кадке к праздникам на берегу ручья варили пиво всем родом. Это пиво называлось *кунакка*. Когда пиво было готово, то для его освящения приглашали священника».

Далее на основании родовых преданий и архивных документов Беляков восстанавливает историю карельской деревни Яблонька Никулинской вол. Вышневолоцкого у. Тверской губ., которая была создана при Павле I в результате переселения тысячи удельных крестьян из нескольких деревень Вышневолоцкого у., пожалованных некоему полковнику: «Деревня была создана на горке около ручья. На ручье построили мельницу, лес вырубил и тут же поставили избы. Все избы топились по-черному, окна были маленькие, и вместо стекол рамы были обтянуты бычьим пузырем <...>. Кроме маленьких окон, напротив печки было сделано отверстие валовое (видимо, волоковое. – О.Ф.) окно – *рёпняня* для прохода дыма, когда топились печка. Избы строили высокие, с подпольем».

Дед же со стороны матери – Сидор, был русским и «не знал ни слова по-карельски». По семейным рассказам, он был «переведен из Старицкого у. в Козловскую вол. Вышневолоцкого у., чтобы в некоторой степени обрусить карельское население деревни Бормино <...>. Насколько была велика его роль в обрусении карел говорит то, что моя мать уже не знала русского языка. Если ей приходилось говорить по-русски, она так коверкала слова, что трудно было понять содержание ее речи²⁰. Не случайно и замуж вышла в карельскую деревню».

Раздел автобиографии «Золотое детство» включает описание трудового воспитания: нянчил младшего брата, весной носил в поле отцу завтрак, а в сенокос на детях «лежала обязанность: убрать с пола постели, подмести пол намоченным веником, помыть посуду, принести воды для самовара <...>. Вечером на нашей обязанности было принести дрова для следующего дня, загнать во двор корову, теленка и овец».

Теплым детским воспоминанием остались «заячьи гостинцы», которые отец приносил с покоса: «Это были кусочек хлеба, который они брали на завтра[к], веточка земляники или соты шмеля с медом». Отец, который, как и многие карельские крестьяне, занимался отхожим плотницким и столярным делом, ежегодно, со слов А.А. Белякова, ездил в Петербург или Москву. Видимо в эти годы он включился в революционную деятельность, т. к. А.А. помнит о частых обысках. Во время одного из них «в доме нашли запыленный портрет царя – велели повесить в красный угол и молиться, на что отец ответил, что он молится богу, а не царю».

В возрасте 7 лет А.А. «стал проситься в школу»; его взяли после того, как отец сделал дополнительную парту – «и кроме меня были приняты еще пять человек. Тогда в школе парты были шестиместные». Не забылось и то, что «накануне учебного года отец мне принес в кармане пару новых сапог, а на следующее утро посадка на лошадь и повез меня в школу, которая находилась в четырех верстах от нашей деревни (в Никулино. – О.Ф.). Зимой и в плохую погоду я с братом ночевали у родственников»²¹.

Описывая с позиции своего социального опыта образовательный процесс в земской школе, Беляков бросает типичную советскую фразу об отсутствии «единого идейного направления»; дает понять, что в рассказах учителей преобладала религиозная тематика, а тут еще и обязательные уроки Закона Божия на протяжении трех лет. Хотя справедливости ради указывает: «Нет худа без добра. Знание ветхого и нового заветов впоследствии пригодилось для проведения антирелигиозных бесед». В целом же чувствуется, что учеба в школе нравилась смышленому пареньку, он был отличником. Он перечисляет выданные учебники: «Баранов “Добрые семена” III часть, Тихомиров “Вешние воды”, Ушинский “Детский мир” <...>. На уроках истории учительница нам (показывала. – О.Ф.) картинки из русской истории. Это были копии с картин известных художников <...>. По русскому языку много писали сочинений по картинкам и учили наизусть басни Крылова и стихотворения русских поэтов. В каждую неделю обязательно учили одно стихотворение».

Интересно, что в школьных воспоминаниях А.А. даже запрещение говорить детям по-карельски (за нарушение полагался штраф – копейка или яичко) не содержит отрицательной коннотации, а напротив – находит логичное объяснение: «Чтобы учащиеся скорее усвоили русский язык». Учителя, со слов Белякова, присили старшеклассников переводить для

пришедших в первый класс непонятные слова на карельский язык. Навсегда остались в его памяти, как наивные, попытки некоторых учителей употреблять во время уроков отдельные карельские слова. Здесь уместно заметить, что А.А. отрицательно оценивает тех образованных карелов, учителей в том числе, которые «выдавали себя за русских и в семье говорили исключительно по-русски»²².

Завершается этап детства А.А. рано. В 1909 г., когда ему было 8 лет, отца отправили в ссылку. Семья из шести человек (четверо детей и 89-летний дед) осталась на попечении матери. Помогали «соседи и приятели отца из др[угих] деревень». Отец же накануне отъезда в ссылку, будучи, по всей видимости, хорошим семьянином и располагая неплохими денежными средствами, «купил муки, чтобы хватило до нового урожая, плуг завода “Липгард и К°”, очень удобный для распашки узких полос». Подчеркну – это был первый плуг в карельской деревне Яблонька.

Октябрьскую революцию Беляков встретил в деревне, «перечитал программу РСДРП и сообщил матери, что теперь жить будет лучше и легче». Обучаясь в Высшем начальном училище (ВНУ), продолжал читать политическую литературу, которую отец привозил из Вышнего Волочка, стал агитатором в родной деревне. В голодную зиму 1918 г. «увлекся Толстым из-за критики православной религии и самодержавного строя. В начале 1919 г. проходил допризывную подготовку; делать было нечего, читать при лучине трудно, ходил на посиделки обычные и сборные».

По окончании единой трудовой школы второй ступени, в которую было реорганизовано ВНУ, получил направление на работу в сельскую школу. Уровень полученного образования оставлял желать лучшего: «Мы не имели никакого представления о методах обучения детей грамоте. И через полтора года за недостаточностью образования был освобожден от занимаемой должности учителя».

Тем не менее, Беляков продолжил свою учительскую деятельность в других сельских школах, включая и ту, что располагалась в его родной деревне Яблонька, участвовал в ликвидации неграмотности, в том числе среди красноармейцев во время службы в Орле. В 1925 г. вступил в РСДРП.

В самом конце 1920-х гг. начался краткий, но весьма важный в деле заявленной советской властью эпохи коренизации период национального и языкового строительства. Беляков – активный комсомолец, имевший высшее образование (закончил 2-й МГУ), знающий

карельский язык, был направлен на работу в Центриздат народов СССР (Москва) в качестве редактора отдела карельской литературы, а впоследствии и других карельских издательств. Еще будучи аспирантом Института по изучению народов СССР (ИПИНа), активно участвовал в создании карельской письменности, известен как автор карельского алфавита. Был членом Комиссии по карелизации, одним из организаторов и руководителей Карельского национального округа²³. К моменту ареста в начале 1938 г. по т. н. «Карельскому делу» занимал должность заведующего кафедрой кареловедения. А.А. Беляков числился в деле под № 1 среди 139 арестованных карелов – учителей, редакторов карельских изданий, авторов учебной литературы, агрономов, советских и партийных работников Карельского национального округа²⁴. Однако дело развалилось вследствие проверки местного НКВД прокуратурой СССР, выявившей массовые фальсификации. А.А. Беляков был освобожден 19 ноября 1939 г., восстановлен на работе и в партии с сохранением стажа. В большой работе «Верхневолжские карелы: этнографический очерк» (1981) Беляков с горечью констатирует, что после ликвидации в 1939 г. Карельского национального округа «все карельские учебники и др. литература были признаны антисоветскими и ликвидированы. Ликвидировали и карельские хоры. Отменено обучение на карельском языке в младших классах. Создавалось такое мнение, будто карелы являются контрреволюционерами. Газеты перестали писать о карелах. В районных центрах ответственные работники были заменены русскими. Такой результат культы личности в отношении карельского населения»²⁵.

После Великой Отечественной войны он вернулся в Калининский пединститут, где работал старшим преподавателем вплоть до выхода на пенсию в 1961 г.²⁶. Всю свою последующую долгую жизнь он посвятил изучению истории и традиционной культуры родного народа.

Автобиография Белякова, как и другие подобные, в том числе и биографические повествования, рассчитанные на читателя, принадлежат к одному литературному жанру, что предопределяет использование популярных биографических канонов и клише (язык и манера изложения, структура текста)²⁷. Свидетельством тому, к слову сказать, является и приведенное выше оглавление автобиографического повествования А.А. Белякова.

После ознакомления с этими текстами, а также после личных бесед с А.А. Беляковым (в начале 1980-х гг.), могу предположить, что

среди явных побудительных мотивов их написания были необходимость самооправдания, самоисповеди и саморепрезентации. Но не менее важными были потребность придать своему индивидуальному жизненному опыту надындивидуальный и назидательный характер, а также желание сохранить и донести свои знания до потомков, чтобы разоблачить слухи, сплетни, легенды об истории тверских карелов. Кроме того, нельзя не учитывать его индивидуальные склонности к научной работе.

Борьба с фальсификацией истории тверских карелов и негативным восприятием их местным русским населением – один из главных концептов биографического и исторического дискурса А.А. Белякова. Это достаточно четко артикулируют названия его текстов и их содержание: «Заселение Севера России до прихода славян (по данным топонимики и археологии)»; «Происхождение названия “Финские племена”»; «Теория о родстве финно-угорских племен»; «Об одной антинаучной и антисоветской теории»; «Заселение Верхневолжья по данным археологии и топонимики»; «Хроника событий Верхневолжских карел»; «Верхневолжские карелы. Этнографический очерк» (1981); «Карелы на Валдайской возвышенности и на Карельском перешейке» (1988); «О родстве финно-угорских племен»; «Фольклор Верхневолжских карел» и др.

Приведу примеры из различных нарративов, включая и письма в местную прессу, объединенные автором в одно дело под названием «Когда и при каких обстоятельствах карелы переселились в Тверскую губернию. Лживые версии и документы о переселении карел. Критические статьи»²⁸.

«В 1656 г. началась война между Россией и Швецией. Русские войска заняли Карельский перешеек, но им пришлось отойти. Вместе с русскими войсками в Россию перешли и остальные карелы, которые жили на Карельском перешейке. Эта война спасла карельское население от финизации. <...> Дружба русского и карельского народов в течение многих сотен лет не должна омрачаться клеветой о насильственном переселении карел»²⁹.

Далее в этом и других подобных текстах приводится одно из локальных преданий о причинах переселения карелов, связывающее эпоху миграции с деяниями и личностью Петра I: «Среди отдельной части населения распространяется такое мнение, что карелы как изменники были переселены Петром I в центральную Россию. Очевидно эта версия нужна кому-то для разжигания национальной вражды. Карелы всегда были верными защитниками северно-

западных границ от шведских и немецких захватчиков. Не случайно Московское правительство предоставило карелам таких льгот, как выдачу им на обзаведение 10 рублей денег, освобождение на 10 лет от всяких налогов. Предоставило им освободившиеся избы, землю и обещало не закрепощать их, уплатив за них 190 т. руб. Такие льготы изменникам не дают»³⁰.

Используя другой легендарный мотив переселения, сближающий время реальной миграции XVII в. со смутными и полными войн временами Ивана IV, и опираясь на сведения сельского свящ. Василия Михайловского, изложенные в его «Записке о карелах, поселившихся в Тверской губернии»³¹, Беляков последовательно опровергает другой миф о том, что причиной насильственного переселения было недоверие к живущим на границе карелам: «Эти разговоры ни на чем не обоснованы, являются клеветой, средством создания неприязни к нам, карелам, не способствуют сближению карельского населения с великим русским народом, что не соответствует национальной политике партии и Советского государства»³².

Чувство оскорбленного этнического = народного достоинства заставляло его неоднократно прибегать к советской идеологии о вечной дружбе и равенстве народов СССР и повторять ее как заклятие. Приведенные тексты Белякова ярко демонстрируют «социальную типичность “врастания” в идеологический язык и стандарты советской эпохи»³³.

В работе «Верхневолжские карелы: этнографический очерк» (117 машинописных страниц)³⁴ А.А. Беляков пытается объяснить «доверие переселенцев», а точнее, одну из причин миграции карелов вглубь России тем, что они имели «сильную веру в русский народ», навеки связав с ним свою судьбу, защищая «Родину от иностранных захватчиков», переживая вместе с ним «все удачи и неудачи»³⁵. При всей кажущейся заидеологизированности нарратива Беляков, вслед за историком А.С. Жербиным, излагает документально подтвержденные факты.

Знания, почерпнутые из советской исторической литературы, как представляется, стали органичной частью личного дискурса Белякова. Но он пытается найти и собственные доводы для снятия этнического предубеждения русских к карелам. Иллюстрацией тому является комментарий к местной быличке «О карелах-людоедах», стрелявших в русских: «Такие разговоры и письменные указания о переселении карел создали неприязнь к карелам, противоречили дружбе народов СССР, а кроме того

нанесли определенный ущерб сельскому хозяйству Калининской области».

Последняя мысль поясняется тем, что молодые специалисты не едут в карельские совхозы, несмотря на постановления XXVI съезда КПСС о повышении эффективности сельского хозяйства.

Рассказы о тверских карелах, называемых шведами «руотчилисто»³⁶, А.А. Беляков объясняет тем, что «Петр I среди карельского населения поселил немного пленных шведов». Насколько его интерпретация устного свидетельства соответствует исторической и фольклорной реальности? В словаре тверских говоров карельского языка слово «*гюошси*» приведено со значениями «швед, финн». Использование этого экзонима по отношению к карелам – а речь идет именно о них – объясняется переносом на мигрантов из-за шведского рубежа именованной территории их исхода.

Вместе с тем, поставив перед собой задачу написания истинной истории верхневолжских карелов, Беляков использует весь доступный ему корпус архивных источников и научной литературы³⁷. Будучи человеком с высшим гуманитарным образованием, преподавателем, он понимал, что ссылки на подлинные исторические документы, работы известных исследователей повышают достоверность его интерпретаций исторических и лингвистических материалов.

Изучение топонимики – одна из главных тем нарратива Белякова. В серии газетных статей под общим названием «Почему так назвали деревни» приведены интересные данные, объясняющие карельское происхождение названий деревень Кагрушка, Райки, Кава, Бронино, Гутты, Мяммино. Но при обобщении материалов А.А. Беляков создает фантазийные реконструкции, «работающие» на другую его главную сверхзадачу – доказательство исконности Верхневолжья как исторической прародины карелов.

«Территорию, где жили карелы, когда создавали первые эпические песни, можно определить на основании топонимики. На Валдайской возвышенности, особенно в Верхневолжье, встречаются географические объекты с карельскими названиями. Нельзя представить, что эти названия появились после Столбовского договора, когда карелы *вновь появились в Верхневолжье* (здесь и далее выделено мной. – О.Ф.) <...>. Следовательно, эти географические объекты получили свои карельские названия в то время, когда карелы жили на Валдайской возвышенности до переселения их на Карельский перешеек»³⁸.

Для доказательства своей гипотезы Беляков приводит сравнительный анализ калевальских топонимов и ойконимов с аналогичными в Тверском крае, осуществленный им на основании собственных материалов и таких публикаций, как «Калевала», «Карельские эпические песни», работы В.А. Никонова «Краткий этимологический словарь» и ряд др. В итоге А.А. Беляков делает вполне вероятное, с его точки зрения, заключение, «что первые карельские руны могли появиться на Верхней Волге»³⁹.

В аспекте нашей темы исключительный интерес представляет объемная архивная рукопись Белякова «Фольклор верхневолжских карел. Заговоры верхневолжских карел», которую можно назвать энциклопедией карельской народной культуры. Это единственное в своем роде и самое полное собрание оригинальных текстов на карельском и русском языках (более 200 машинописных страниц), составившееся автором на протяжении многих лет. На основании этих текстов можно попытаться установить, насколько личные стереотипы и ценности Белякова укоренены в осмыслении описываемых им народных праздников, обычаев, обрядов, знаний, насколько трансформировались основы его собственного крестьянского по происхождению мировосприятия под воздействием советской идеологии, какое место занимает в нем традиционная составляющая.

Вначале приведены «Лечебные заговоры» (всего 90), начинающиеся с известного сугубо локального «На горе Весегонской»; многие из них сопровождаются рассказами, а может быть, личными знаниями и воспоминаниями о карельской эзотерической традиции. Скорей всего, они получены от его информантов. Так, после текста о поднятии девичьей славы – *лемминшуанда*, читаем: «... нужно взять кусочек от веревки церковного колокола и сказать: Как тот церковный звон слышится во все стороны, так и я стала бы известной во все стороны, как тот церковный звон звенит, так и мое имя [имярек] было бы в почете, стало известным и пользовалось славой»⁴⁰.

Второй раздел называется «Заплачки»; в него включены плачи – *иткузет*, из них девять свадебных, один – при провожании мужа на войну, и один – поминальный плач девушки по матери-покойнице.

В третьем разделе собрано 14 сказок, в том числе и на карельском языке: «Медведь-плакальщик» / «Иткийя кондые», «Поп и диакон» / «Паппи и диеккуна», «Оккулай», «Два мороза» / «Какши пакастя», а также несколько анекдотов о карелах. Приведу один из них, с

весьма знаковым названием и содержанием «Забыл карельский язык».

«Отслужил солдат службу, вернулся домой, забыл карельский язык и все говорил по-русски. Его спрашивают, а чем кормят в солдатах? – в солдатах не как дома, кормят мясом, “калой” (т. е. рыбой). – А крупная ли рыба? – Да разная бывает, бывает по “вакше”, по “какши”, а иногда и по “шулу” (испр. шүлү) (т. е. по четверти, по 2 четв. и по сажени)»⁴¹.

Следующие разделы – «Приметы о временах года и погоде», «Приметы для молодых и женщин и о детях», «Приметы для молодых, женщин», «Разные приметы» и «Пословицы». Последний раздел снабжен традиционным подзаголовком «Житейская мудрость». В нем особо выделены тематические блоки «Родина чужбина», «Сообща и один», «Скупость. Расточительство, дети», «Обычай дома, кушания»; «Господа и начальники и бедные и богатые», «Труд, мастерство».

Вековая народная мудрость, сосредоточенная в знаниях об окружающем мире, нормах и правилах бытия крестьянского социума, вызывает у Белякова глубочайшее уважение. Именно это дает основание утверждать, что этот нарратив, это послание к потомкам, прежде всего, обнажает изначальную этносоциальную природу Алексея Антоновича, усиленную образованием, выстраданную личной судьбой.

Абсолютно очевидная черта его характера – глубокая не пафосная, а истинная любовь к своему народу, тверской земле, что засвидетельствовано А.А. Беляковым в записях многочисленных пословиц, поговорок, примет на тему «Родина чужбина». Часть из них записана на карельском языке и переведена на русский, другая приведена только на русском языке.

«На солнышке хорошо, а на родине лучше» / «Чирозешша он хува» (испр. «хүвә»); «виела (ä) паремби омалла муалла» / «На чужой земле и своего врага обрадуешься» (испр. «своему врагу»); «Виераш муа – виллу муа» / «Чужая земля – холодная земля»; «Кийта (ä) виерашта муауамуйх варойн» / «Хвали чужбину для других»; «Виерахашта лиеу ома, омашта виераш» / «Будет и чужой своим, а свой чужим»⁴².

Тему «Труд, мастерство» Беляков завершает довольно большой подборкой поговорок «колхозного времени», заимствованных из советской прессы: «Тот комбайнер уважаем, который дорожит урожаем», «На колхозном поле тракторист, в Советской армии танкист» и т. п.

К своим детским воспоминаниям автор прибегает при описании обрядов Иванова и Егорьева дней, Пасхи, архаичного осеннего праздника Кегри, но резюмирует подчас во вполне

«научном духе», демонстрируя свою атеистическую позицию: «День Кегри празднуется [в] Дмитриеву субботу. Связано ли происхождение [Кегри] с Дмитриевой субботой или нет, и вообще происхождение Кегри остается загадкой. Соблюдение нехристианского праздника Кегри сочеталось со строгим соблюдением постов».

Вслед за этим идет обстоятельное описание постов с интересными подробностями, также свидетельствующими о биографическом характере текста: «Насколько точно соблюдали карелы посты, видно из следующего. Грудному ребенку кипятили молоко, образовывалась пенка, а ребенок еще не мог кушать пенку, то хозяйки сушили эти пенки, чтобы кушать сушеные пенки».

Обращает на себя внимание то, как меняется язык изложения в фольклорно-этнографическом нарративе Белякова: он явно становится простонародным, с присущими русскому языку карельских крестьян ошибками. И это притом, что во всех своих исторических эссе он ориентируется, прежде всего, на использование книжного и журнального лексического фонда, к которым он тяготел по роду своих интересов и занятий или же считал релевантными признаками учености.

Роль церкви и образования – еще две важные темы в описании истории карельского крестьянства Белякова. Им тщательно законспектированы данные из дореволюционных изданий, в том числе из Московских новостей за 1868 г. В этой публикации повествуется об экзамене по Закону Божьему в двух школах Толмачевской вол. – «в труппах карельских лесов». Все 45 мальчиков и девочек, не зная русского языка, продемонстрировали беглое чтение Евангелия и Псалтыри и безошибочное знание молитв, Символа веры и заповедей. Вместе с тем автор сделал вывод, что церковноприходские школы не имели большого значения в карельских деревнях, а единственным практическим результатом было лишь то, что «старые девы, усвоившие читать, читали по покойникам псалтырь»⁴³.

Раздумывая над этими сведениями и характеристиками, А.А. Беляков, по-видимому, испытывает внутреннее несогласие и, собрав дополнительные данные, дает в целом положительную оценку православному просвещению среди карелов. Не странно ли для советского преподавателя?

Продолжая цепочку своих размышлений о причинах ассимиляционных процессов в дореволюционное время, Беляков перечисляет следующие способствовавшие этому меры цар-

ского правительства: «Запрещение разговаривать в присутствии помещика и местного начальства на карельском языке, в школе – тоже; постой солдат, заселение русских деревень среди карельских деревень, смешанные браки»⁴⁴. По его мнению, все это приводило к искоренению карельского языка, уничтожению «родного карельского».

Явно противоречит этому оценка статуса карельского языка и этнических процессов советского времени: «Ассимиляцию карельского населения – пишет автор, независимо от мер, применяемых для этой цели, мы считаем прогрессивным явлением, карелы получили возможность пользоваться великим наследием русской культуры»⁴⁵.

Анализ письменного нарратива А.А. Белякова посредством биографического метода позволяет увидеть, как сильно повлияло на смену его идентичности столкновение с властью, к каким серьезным последствиям это привело, как сказались на его умозаключениях последней трети жизни воздействие «коллективистской парадигмы социологического мышления»; какие способы и правила подчинения, сопротивления и уклонения он избрал и принял⁴⁶.

При этом сочинения А.А. Белякова по истории, этнографии и фольклору тверских карелов позволяют сделать умозаключение о значительной роли в его сознании, самосознании и «жизненной направленности» (Б.Г. Ананьев) духовной этнической традиции. Не случайно он завершает свой фольклорный свод русской частушкой, подтверждающей его главную, пронесенную через всю жизнь идею – незыблемость дружбы русского и карельского народов: «Пойду плясать, юбка узкая / Я люблю карелина, сама русская».

Сопоставление письменных нарративов А.А. Белякова с устными рассказами, записанными в полевых условиях, обнаруживает общие для их авторов этно-психологические и социальные концепты поколения первой трети XX в. Даже первичный анализ его воспоминаний и краеведческих работ, написанных в течение 30 лет, не обнаруживает смены хронотопа. И вот, думается, почему. Самое главное событие его жизни – своего рода «переходный обряд» – произошел в юности, когда из крестьянского микромира он перешагнул в большой мир образования, новой социально-политической реальности, совершив головокружительную и немислимую до революции для карельского деревенского парня карьеру. Став одним из лидеров национального движения, Беляков не просто подтвердил свою этни-

ческую идентичность, но и усилил ее гуманитарными знаниями при почти полной смене социальной идентичности. Новые стереотипы в сочетании с особенностями характера сформировали его как одного из типичных представителей советской эпохи – нововыдвиженца, каковым в целом он оставался до конца своей жизни. Исторические исследования Белякова, написанные им в пожилом возрасте и имеющие своей сверхзадачей передачу собственного социального опыта, отражают и тот факт, что он, как и многие его сверстники с близкой судьбой, «застражили» в своей идентичности и не смогли осуществить его (опыта) переосмысление в новых жизненных условиях⁴⁷. Именно поэтому его нарратив отягощен очевидными политическими импликациями советского происхождения хронотопа. Этим объясняется и манера изложения, и система аргументации, и доминирование конкретных идеологем. Но при том, что локальная история карелов в изложении Белякова вписывается в макромир российского/советского государства, политики и культуры, она домысливается на основании его собственных представлений, знаний/незнаний, предрассудков и переживаний. В итоге представляется, что при доминировании в историческом дискурсе Белякова советской социально-политической составляющей, в нем очевидна и универсальная крестьянская. Вместе с тем именно их сочетание свидетельствует о ярком индивидуальном характере его этносоциальной идентичности.

Иной вариант представляет собой нарратив упомянутого в начале статьи карельского краеведа Константина Васильевича Манжина (1903–1977/78). *Мандьжойн Костя* был уроженцем д. Моисеевской Чамеровского с/с Вьсьегонского р-на. В 1930 г. окончил курсы при Бежецком педагогическом техникуме, стал преподавателем русского языка и литературы в школе родного села, а позже, получив в 1937 г. высшее гуманитарное образование в Калининском педагогическом институте, – бессменным ее директором вплоть до 1956 г. Изредка публиковался на страницах местной периодики⁴⁸. Во время Великой Отечественной войны был ст. сержантом истребительного противотанкового полка.

Его историко-этнографические и фольклорные рукописные и машинописные работы 1950-х – 1970-х гг. были переданы им в архивные и музейные учреждения Ленинграда (в Институт русской литературы), Калинин, а также Петрозаводска, Тарту и Хельсинки. Это – «Словарь карельских слов Вьсьегонского диалекта», «Карельские пословицы», «Вьсьегон-

ская свадьба»⁴⁹, «Деревенская постройка в Весьегонском уезде Тверской губернии», «Жилище и хозяйственный постройки карел Весьегонского района Калининской обл. в прошлом и в настоящее время», «Весьегонский уезд в годы революции 1905 г.» (53 с.) В них содержатся описания, составленные К.В. Манжиным на основании опубликованных статистических данных по Весьегонскому у. и дополненные его собственными сведениями и сентенциями по социальной и бытовой культуре «малой родины» – округе карельских и русских деревень с. Мосеевское.

«Эта деревня – пишет автор, раньше была населена карелами и по-карельски называлась Мойсьова (Mois'ova). В настоящее время в ней живут пять русских семей, переселенных из затопленной зоны Рыбинского водохранилища <...>. При царизме деревня Мосеевское входила в состав Чамеровской волости Весьегонского уезда Тверской губернии»⁵⁰. В ней, «по свидетельству старожилов, из 31 домов около десятка домов были с черными избами (до 1897 г. – О.Ф.). Даже средний крестьянин имел много разной постройки: дом <...>, двор с хлевами, поветью и сельником, пару сараев для сена и соломы, гумно с ригой, баню, погреб, житницу для хранения хлеба. Почти вся постройка каждого хозяйства располагалась на своей одворине (усадебке), которая была площадью 0,35–0,40 десятин».

Подробное изложение истории и эволюции домостроительной техники и практики, типов хозяйственных и жилых построек, в том числе – подчеркнем особо – и родного дома Манжина с авторскими рисунками и схемами читатель найдет в уже упомянутой выше рукописи «Деревенская постройка в Весьегонском уезде Тверской губернии» (40 с.)⁵¹. Текст можно расценивать как профессиональное пособие, настолько много в нем ценнейших сведений о мелких, но важных технических и конструктивных деталях, пояснений целесообразности использования тех или иных материалов, приемов.

«После первого ряда у каждого бревна снизу стесывается “паз”, чтобы верхнее бревно плотнее ложилось на нижнее». При строительстве дома с двумя избами (летней и зимней) «лестница на двор из сеней зимовки была маленькая, удобнее было поить скотину зимой и ближе»⁵².

Скорей всего К.В., как и большинство деревенских мужчин, неоднократно участвовал в сельском строительстве: «Жизнь почти каждого поколения крестьян проходила в стройке». Наряду с этими рациональными коллективными знаниями из области плотницкого

ремесла Манжин сообщает и некоторые обязательные соционормативные правила: «Когда плотники срубят первый ряд, хозяин втыкает посреди сруба маленькую елочку, приносит стол, закуску, выпивку и угощает плотников. После укладки “матицы” <...> и подъема стропил угощение вином повторялось, но только не на месте стройки, а в жилом помещении»⁵³.

Целью этого очерка была осознаваемая автором необходимость запечатлеть «уходящую натуру»: «Облик деревни из года в год меняется. Изредка видны дома со старинными наличниками и карнизами, на которых орнамент выдолблен»⁵⁴. Казалось бы беспристрастно отмечая, что «совершенно изменилась колхозная изба», К.В. объясняет это «преобразованиями в сельском хозяйстве с 1930 гг.» и тем, что у колхозников «отпала необходимость» иметь «в личном пользовании ригу, гумно, сарай, житницу, кладовую. Об этих постройках отпала единичная забота <...>, если и нужно строить, то коллективно легче, чем одному хозяину».

Создается такое впечатление, что Манжин не знал или решил не вспоминать традиционные для деревни обычаи коллективной помощи, в том числе и при строительстве дома. Оценивая жизнь местного крестьянства в социальном контексте и с позиции глубоко укорененного личного советского дискурса о тяжелом дореволюционном прошлом российской деревни, Манжин заключает свой очерк примечательным пассажем: «Механизация сельского хозяйства облегчает труд, и жизнь колхозного крестьянства год от года становится лучше. Человек не подрывает свое здоровье непосильным трудом. Вот почему и продолжительность жизни человека в нашей стране увеличилась»⁵⁵.

О том, что письменный текст Манжина близок по содержанию устным нарративам карельских крестьян, свидетельствуют ограниченность мира его воспоминаний, преобладание интереса к хозяйственной деятельности деревни, ее экономическим и социальным аспектам. Собственно, на этом сфокусирован его исторический дискурс.

«По животноводству уезд занимал первое место в губернии. Крупное развитие получили в уезде маслоделение и сыроварение. Маслодельни производили сливочное, чухонское, парижское и русское масло до 300 тыс. пудов в год <...>. Весьегонский уезд был крупным поставщиком льна. Кроме Красного Холма лен скупали в Любегощах, Кесьме, Сандове, Молокове и Мартынове».

С явной гордостью Манжин перечисляет сельских ремесленников недавнего прошлого: корзинщиков, бондарей, плотников, столяров,

кузнецов, изготовителей колес, каталей, щеточников, красильщиков, скорняков, мельников, смолокуров. «По развитию сапожного ремесла уезд занимал раньше третье место в губернии после Кимр и Осташково». «Каких только профессий не было в Весьегонском уезде», – жалеет К.В.⁵⁶.

Особый интерес Манжина – система социальных отношений, точнее, несправедливость по отношению к крестьянству со стороны царской власти и церкви, угнетение бедного крестьянства зажиточным и, напротив, забота о них Советской власти. Так, в работе с символическим названием «Весьегонский уезд в годы революции 1905 года» Манжин пытается обосновать «революционную ситуацию», описывая состояния земледелия, характерного для края льноводства, животноводства, торговли, экономического положения различных слоев крестьянства. При изложении товарооборота знаменитой Весьегонской ярмарки, с которого собственно и начинается этот текст, автор подчеркивает, что бедняки вынуждены были покупать продукты у местных лавочников на 25–30% дороже, т. к. именно весной цены поднимались: «Таких лавочников, которые держали в руках бедноту, по уезду было 340 (по данным патентного сбора за 1907 г.). Более мелкими, но подчас еще более хищными были хозяева 99 малых торговых точек. Эти торговцы в минуту жизни трудную наживались на крестьянской нужде»⁵⁷.

Этнограф найдет в тексте Манжина подробные детали, характеризующие ведение хозяйства с неизменным авторским порицанием богатеев, которые «держали от 4 до 6 коров и по паре лошадей», или владельцев молокоприемных пунктов и маслодельных «заводов», дававших авансы нуждающимся и, естественно, наживавшихся на этом.

Вслед за подробным описанием постов и полагающегося у крестьян воздержания от скоромной пищи, Манжин делает логический – согласно советской идеологии – переход к теме веры, воплощавшейся для него в местной церкви и двух монастырях, которые «держали народ в страхе божьем, утешали трудовой народ радостями загробной жизни, наставляли терпеть несправедливости» и т. д. и т. п. Далее следуют традиционный вывод о церкви и «казенке» (в уезде насчитывалось 29 казенных винных лавок) как двух очагах, «где трудящиеся искали утешения от тяжелой жизни». Вместе с тем, без каких-либо комментариев К.В. констатирует, что «власти и богатые изо всех сил» способствовали благоустройству церковью и монастырей⁵⁸.

Его сопоставление прежнего культурного и образовательного уровня деревни с современным (1959), свидетельствующее о «разительных» переменах», построено на данных о сельских клубах, библиотеках и школах. «Тяготение крестьян к знаниям, к образованию всегда было, но жизнь простых людей складывалась так, что доступа к школе не было. Иные дела и заботы были уделом простонародья. Крестьянин раньше не мог и мечтать об овладении науками»⁵⁹.

Эта тема очень волнует К.В. Манжина, как сельского учителя, он приводит свои рассуждения о том, что крепостные крестьяне стремились дать образование своим детям, но «будучи в зависимости от прихоти барина, они мало видели радости, имея образование, и горше других чувствовали обиды, им наносимые». Осуществленный К.В. анализ системы народного образования в конце XIX в. – «всеобщ при царизме» – приводит его к неутешительным выводам: это и малое число различных школ, это и слабый уровень подготовки учителей, это и отсутствие программ обучения, должного финансирования, невнимание к образованию девочек. Согласно своей статусно-ролевой и морально-идеологической позиции Манжин излагает декларативное и глубоко укорененное в его сознании мнение о заботе КПСС и Советской власти о том, «чтобы все дети были охвачены обучением» в нашей стране, что привело к колоссальным изменениям. Он подкрепляет это утверждение общими статистическими данными: «...в СССР на каждую тысячу человек теперь 18 человек с высшим образованием и 263 человека с образованием выше семилетки».

Не меньшее внимание в нарративе Манжина занимает подробное освещение систем крестьянского землевладения, его симпатии при этом на стороне общинного землевладения, т. к. «все хозяева держались друг за друга, вместе решали общие невзгоды, мир был хозяйном. Против мира и богач не смел перечить». В его отмене К.В. Манжин видит причины социального расслоения деревни, разобщенности крестьян, усиления индивидуализма: «Каждый на своем клочке хозяин, за свою землю дрожит, а в дела соседа не совался». Вот и остается бедняку идти в кабалу к богачу-односельчанину, подаваться в город или же идти сыновьям «в домовики» – «войти в дом тестя, у которого нет сыновей».

Таким образом, общий типический лейтмотив текста Манжина – разорение крестьянства, осуществляемое несправедливой царской властью, что неминуемо привело к росту сельского

пролетариата, который «ковал холодное оружие, готовясь к новой борьбе». В заключении в полном соответствии с советской идеологией делается вывод: «И только Великая Октябрьская революция в корне изменила положение деревни, а в коллективном хозяйстве – в колхозе честный труженик получил признание и почет за труд на благо народа и нашей Родины»⁶⁰.

Постоянное использование оппозиции «раньше – теперь» («до революции – после революции»; «до коллективизации – после коллективизации»; «при единоличном хозяйстве – при колхозах»), характерное для текста К.В., свидетельствует об изменившейся к середине XX в. системе ценностей и временных координат, сменивших прежние дедовские устои крестьянской жизни⁶¹.

Ведущая роль новой социальной истории очевидна в воспроизводстве коллективной памяти сельской интеллигенции и тех ее представителей, дискурс которых, как и у Манжина, сформировался в советское время. В его нарративе используются готовые глобальные объяснительные схемы, поэтому экономика тесно связана с родством, частный мир микросообщества вводится в макромир Советского государства, политики, образования и культуры. При этом, в его текстах представлены подробные описания бытовой культуры карельской деревни. Используемые Манжиным частные примеры и истории, события из жизни конкретных людей встраиваются в заранее заданную пропагандистскую и идеологическую схему. Его подход к истории, взгляд на жизнь свидетельствуют о преобладании идеи отображения коллективной/колхозной судьбы и соответствующей ей социальной идентификации. Об этом же говорит и текст «Весьегонская свадьба» (1969), который автор предваряет следующим нравоучением: «Женитьба – одно из знаменательных событий в жизни человека. Надо признаться, что этот момент раньше обставлялся более торжественно. Правда, в последнее время идут поиски, и эти поиски необходимо продолжить. Нужно стремиться устроить свадьбу так, чтобы это событие запомнилось молодым на всю жизнь и послужило укреплению семьи».

Текст состоит из разделов, соответствующих традиционной структуре всей свадебной игры: «Знакомство», «Беседа», «Сватанье», «Богомолье», «Дни невесты», «Свадьба», «Первая неделя», «Первый год». Прочтение этого объемного, содержательного труда вызывает вопрос: какую – русскую или карельскую –

свадьбу описал К.В.? Лишь единожды, описывая обряд «козьего молока», во время которого подружки молодой предлагают гостям пива, что сопровождается смеховым обыгрыванием, Манжин пишет: «Этим приемом пользуются девушки в карельских деревнях, где меньше знали величальных песен. На карельском языке их не было». Стало быть, им составлено изложение некоего локального, названного им «весьегонским», варианта свадьбы? Но весь фольклорный материал представлен исключительно русскими записями, хотя среди его информантов были и карельские женщины. Из этого следует, что скорее всего К.В. и не ставил перед собой задачу изложения карельской свадебной обрядности. В нарративе ощущается сожаление о забываемых правилах коллективного общения, «красивых» свадебных ритуалах, свадебных плачах. В этой ностальгии по прошлому слышится отголосок коллективного мнения пожилых крестьянок, со слов которых он записывал эти сведения, хотя и здесь очевидны советские оценочные импликации. Об этом говорят и заключительные фразы о тяжелой женской доле в прошлом: «В старые годы веками культивировался взгляд на женщину как на человека второго сорта. Эти взгляды поддерживались церковью <...> Церковники ввели для женщин ряд ограничений: женщина не могла быть священником, не имела права войти в алтарь. После родов 40 дней считалась нечистой и не ходила в церковь. Церковь тоже ставила женщину в подчиненное положение мужчине. Вот как жили раньше».

Интерес к родному карельскому языку и составление рукописного «Карельско-русского словаря собственно карел весьегонского диалекта Калининской области» были вызваны извне благодаря его сотрудничеству с известным финским фольклористом профессором Пертти Виртарантой, а также эстонскими и петрозаводскими лингвистами, работавшими в 1960–1970-е гг. среди тверских карелов. Во многом участие в их экспедициях стало для Манжина хорошей школой историко-краеведческой и фольклорно-лингвистической работы.

В целом нарратив Манжина отличает характерный краеведческий дискурс; главная преследуемая им цель – восстановление подлинной коллективной истории местных карелов и русских, в которую вкраплены его собственные знания, не лишённые индивидуальных предпочтений, предрассудков и клише, заданных статусом советского сельского учителя. Их органичное включение в наивный пересказ

истории жизни микросообщества позволяет судить о близости структуры личного самосознания К.В. Манжина слою обыденного сознания той среды, к которой он принадлежал по происхождению – крестьянству, но уже скорей колхозного времени, лишенного или избегающего явной демонстрации своего этнического «я».

Для К.В. написание воспоминаний стало способом примирения с внешним миром эпохи раскрестьянивания деревни⁶², о чем говорит создаваемый им образ тяжелого крестьянского прошлого и замечательного колхозного настоящего, устремленного в будущее.

Об индивидуальном характере этнической идентичности говорит и письменный нарратив Алексея Иосифовича Лебедева (1918–1990). Как и А.А. Беляков, он принадлежал к плеяде первых карельских гуманитариев, хотя был моложе их на 17 лет и формировался как личность в условиях именно советского общества. Он был одним из первых карельских профессиональных историков, преподавал в Калининском пединституте. Первые публикации по истории Верхневолжья были напечатаны А.И. Лебедевым уже в 1938 г., вслед за этим им были написаны статьи по истории тверских карелов, топонимии и ономастике. В числе подготовленных им рукописных монографий: «Переписные книги Бежецкого Верха 1709 г. как исторический источник» (1968), «Тверская Карелия» (1980–1984; 164 листа); «К этнической истории Верхневолжья» (1989). В личном деле А.И. Лебедева, хранящемся в ГАТО, имеются также отзывы и рецензии на работы А.И. Лебедева (1973–1982), корреспонденции в периодической печати по истории тверских карелов, собранные А.И. Лебедевым (1964–1983).

Сфера его первоначальных профессиональных интересов – аграрная история. В первой из названных выше работ – «Переписная книга Бежецкого Верха 1709 г. как исторический источник»⁶³ автор осуществляет систематизацию данных по числу и составу вотчин монастырей, которым в конце XVIII в. принадлежало 4670 крестьянских дворов, в том числе и карельских, а также дворцовых волостей Дворцового ведомства. По мнению А.И. Лебедева, «Переписная книга» отражает неустоявшуюся оседлость карельских крестьян, испытавших в петровское время усиливающуюся тяжесть повинностей и сборов; они разорялись, нищали, «что усиливало их передвижения»; автор приводит примеры разорения, бегства и насильственного переселения.

Эта тема продолжена и в более поздней работе «Тверская Карелия»⁶⁴. Уже с первых же страниц создается ощущение важности для Лебедева этнического дискурса. А.И. Лебедев обращает внимание читателя на «прежний (финно-угорский. – О.Ф.) племенной состав» населения Верхневолжья, о чем говорят сохранившиеся топонимы: «Черемисы, Мещера, Морласы и Мордва, Мокшица и Рязаново, Меркино и Чамерово (а под Тверью Самарово), в Чудцах, Чудино»⁶⁵. Тем самым исподволь указывается, что позднему переселению карелов, изменившему этнический состав населения в XVII в., предшествовала изначально сложная и неоднородная этническая карта края. Карельские переселенцы, подобно более ранним насельникам, оставили на ней свои названия: «Горма – от кар. Хорма = русский, Райда, Койвущка, Озрушка, Кагрушка, Гумалы, Гуты, Мяммино, Кондушка, Корелово».

Для преодоления этнической предубежденности русских, с которой Лебедев, по всей видимости, сталкивался и в своей преподавательской среде, он считает важным подчеркнуть, как и А.А. Беляков, «героический подвиг» карельских «приходцев», справедливо обосновывая свой взгляд следующим образом: «Во-первых сам ВЫХОД из-за “свейского рубежа” <...> был связан с массой лишений как в период самого выхода (тайного бегства с опасностью быть задержанными и казненными по указу шведского короля), так и при обосновании на новом месте, где не были приготовлены ни кров, ни пища, жила лишь одна надежда. Эти душевные и материальные лишения претерпевались не неделю и не месяцы, а многие годы переходов и скитаний. Во-вторых, покинув свои обжитые места и родные очаги, переселенцы на новом месте должны были брать ссуду деньгами и хлебом для обустройства новым хозяйством, постройками. Эти ссуды неизбежно требовали настроиться на тяжелый труд НА МНОГИЕ ГОДЫ».

Отнюдь не случайно Лебедев акцентирует «похвальное трудолюбие» и «настойчивость их характера, выработавшегося в многовековой борьбе с природой»⁶⁶. Другой важной и отличительной чертой карелов, по его мнению, был присущий им издавна коллективизм: «Каждая деревня, а иногда и группа селений составляли сельскую ОБЩИНУ – ту ячейку коллектива, в которой на сходках решались вопросы общины, принятие новых членов (семей), наделение их пашней, переделы участков и покосов, коллективная корчевка или осушение новых участков,

порядок пользования выгоном, лесом и др. вопросы»⁶⁷.

Причиной «АНТИПАТИИ русских к карелам, равно как и др. инородцам» А.И. называет великодержавный шовинизм; «презрительное отношение русских к инородцам вообще, мнение мнимого превосходства русских над др. народами, воспитанное русским самодержавием».

Последующие разделы работы «Тверская Карелия» выстроены согласно структуре монографий 1980-х гг. по этнографии, которые были, судя по ссылкам, хорошо известны А.И. Лебедеву. Это классические исследования Г.С. Масловой, Р.Ф. Тароевой, Н.И. Лебедевой, В.В. Пименова, Л.А. Голубевой и др. При написании глав «Материальная культура тверских карел» и «Духовная культура тверских карел» А.И. использует не только письменные и документальные источники, но и явно авторские материалы, а также и собственные детские и юношеские воспоминания, позволяющие создать весьма убедительную живую картину старой жизни карельской деревни до эпохи Великого перелома.

Подробно и со знанием дела описываются им традиционные (подсечное и пашенное земледелие), подсобные мужские и женские занятия и промыслы (рыболовство, охота, ткачество, крашение, отбеливание, сукноваление), характерные орудия труда, при этом обязательно указывается карельская терминология. Так, например, читаем: «После весеннего половодья в узких местах ставили езы /колу/ – часток с хвоей и снастями. Орудиями лова были “строгат” – железная острога с 7 зубьями, “крююкка” – крюк для большой щуки, “нуотта” – невод, бредни, “суакку” – сак = сеть конической формы, “лёрё” – снасть конической формы из ивовых прутьев; “куужа” – “вятер” конической формы <...> из ивовых прутьев. Лёрё мог быть изготовлен из расщепленных пополам молодых елочек»⁶⁸.

Важной частью дискурса А.И. Лебедева, как и А.А. Белякова, является потребность в доказательстве этнокультурной близости карелов и других финно-угорских народов. В описании крестьянского жилища, выполненного на основании опубликованных и архивных материалов Верхневолжской этнологической экспедиции (1921–1924, под руководством Д.А. Золотарева и при участии тверских краеведов и студентов), А.И. делает предположение, что причиной сохранения в языке тверских карелов трех различных понятий, обозначающих «дом»: «коди»,

«пертти» и «тало», являются заимствования «их от разных народностей, с которыми проживали по соседству или сожительствовали (мари, мордвой, удмуртами), от которых заимствовали и некоторые обычаи и термины». Далее, отсылаясь к работе А.Ф. Риттиха 1870-х гг. об удмуртском жилище, разделенном сенями на две половины – летнюю и зимнюю, Лебедев считает, что «карельский дом с 2 избами, возможно, как и у удмуртов, – свидетельство влияния ЧЕРЕМИСОВ»⁶⁹.

Иной, чем у К.В. Манжина, характер носит противопоставление «раньше – теперь». В его оценках профессионального историка это скорее советская парадигма «у нас – у них». Подчеркивая независимый статус карельской женщины, «даже выручку от продажи (сотканых ею тканей. – О.Ф.) могла тратить на себя, покупала украшение, не отдавала мужу», А.И. сравнивает его с «рабским положением женщин в мусульманских странах Востока, где ей закрыт доступ к общественной жизни и она низведена до рабыни мужа, на улице должна закрывать лицо плотной волосистой сеткой. Эти средневековые законы ныне возрождаются в шиитском Ираке после антишахской и антиамериканской революции – как ни парадоксально в век телевидения и спутниковой техники»⁷⁰.

В значительном по объему разделе «Духовная культура» (30 листов) А.И. Лебедев также следует характерной для его времени научной схеме изложения материалов по календарной и семейной обрядности карелов, обычаях и пережитках, языческих верованиях, культе предков. Длительное бытование плачевой культуры (вплоть до конца 1980-х гг.) он объясняет существованием «ВЕРЫ в МАГИЧЕСКУЮ СИЛУ СЛОВА [плача] и в посмертное существование ДУШИ покойного»⁷¹. Однако в целом при прочтении текста складывается впечатление о некоей иной авторской сверхзадаче. Эта часть нарратива изобилует оригинальными сведениями мемуарного типа и подробностями о святочных гаданиях молодежи, беседах, играх, ряжениях, празднике Кегри, свадебных обрядах, свидетелем и участником которых А.И. был в детские и юношеские годы.

Так, в Рождество следовало, «встав и умывшись, блин – в руку, горшок с маслом – спереди (вместо масла – топленый горячий жир)» / «Роштуох, новштуох шильмиин пештюёх: каккара кядех, вой луатка – эдех». Перечисляя святочные забавы: «заваливание ворот, дверей, угон саней, закрывание трубы, звенели желез-

ным кольцом, дергая издали привязанную нитку», автор уточняет, что таким образом досаждали нелюбимому в деревне бобылю или бобылке. Его воспоминания об обычае выкупа невесты, выходящей замуж в другую деревню «парням этого селения <...> “за титьки”, выращенные у невесты этой деревни»; о танцах с поцелуями; об эротическом смысле игры ряженого в быка, бодавшего девок, и др. свидетельствуют о высокой степени сохранности традиционной обрядовой культуры в родовом для Лебедева круге деревень, по крайней мере на его памяти – до середины 1930-х гг. Описание же архаичного, сугубо карельского праздника Кегри, реконструированного А.И. на основании личных детских воспоминаний, является уникальным, как и подобное же А.А. Белякова. Конечно же, будучи написанными в зрелом возрасте, на основе полученного знания и жизненного опыта, они приобрели символический смысл. Представляется, что для Лебедева было важно не только сохранить память об этом, как он пишет, «персонаже» социальных и религиозных представлений, связанном именно с поминаниями предков, но и, оценивая Кегри, подчеркнуть его обращенность «в БУДУЩЕЕ – на воспитание детей». Таким образом, этническое самосознание Лебедева оформилось благодаря педагогической составляющей его личного дискурса.

Свое отношение к вере дедов А.И. выражает опосредованно через господствующую в советское время оценку самодержавия: «Вера в бога была основательно подорвана у крестьян падением самодержавия и Вел. Окт. Соц. Революцией. О самодержавии в темное сознание народа веками внушали убеждение, что оно священо и незбылемо, т. к. дано свыше богом, а на деле оказалось поверженным революцией рабочих и крестьян, была ликвидирована и вся эксплуатационная система, в которой безраздельно царил у одних богатство и роскошь, праздная жизнь за счет других, которые вечно испытывали угнетение, унижение, презрение и неизбывную нищету».

Неявное оправдание собственных атеистических мировоззренческих убеждений слышится в отсылке к детству: «Я также очень хорошо помню, как старшие братья и сестры избегали посещать церковь, уклонялись от богослужений, прятались, когда в дом в престольный праздник приходил поп с богослужением. Родители тоже не отличались набожностью и не наказывали детей за нерадение к церкви»⁷².

В 1942 г. Лебедевым была опубликована статья о частушках, в которой он пишет, что в этом жанре – голос сердца – «особенно быстро и ярко» находят свое отражение злободневные вопросы дня. На его взгляд, примером тому является следующая: «У нас домик невысокий, / Под окошечком песок. / Пусти, маменька, родимая, / Во карелы на часок». Комментарий этого текста выглядит следующим образом: «Любопытна по своему характеру простая неприязнительная девичья частушка, отражающая проживание тверских карелов по соседству с русскими и бывшие взаимоотношения между ними, характеризовавшиеся отчужденностью, былым незаслуженным пренебрежительным отношением русских к нацменьшинствам».

Далее следует наивный анализ, согласно которому «указание русской девушкой на “домик невысокий” представляется неслучайным сравнением с большей частью добротных домов карелов». Этому неявному свидетельству карельскости сопутствует отчетливый советский хронотоп А.И. Лебедева, по мнению которого «чисто молодежная частушка <...> отражает глубокие общественно-политические процессы, происходящие в советском обществе и среди молодежи – в первую очередь, я имею в виду глубокий сдвиг в межнациональных отношениях в сторону признания полного равноправия, умственной и интеллектуальной равноценности и потенциальных возможностей каждой национальности нашей страны вообще, в нашем крае – в частности»⁷³.

Тексты Лебедева изобилуют пропагандистскими клише о советском патриотизме как животворной силе; партии как неиссякаемом источнике трудовых и ратных подвигов; лучезарных идеях Ленина и Великого Октября; об отщепенцах советского общества; эмигрантском отребье и идеологических диверсантах – платных агентах империализма, которые «бессильны обескровить эту животворную моральную силу Советского общества, советского народа – новой непонятной империалистам СОВЕТСКОЙ ОБЩНОСТИ ЛЮДЕЙ»⁷⁴.

Сопоставление письменных нарративов двух карельских интеллигентов – А.И. Лебедева и А.А. Белякова, свидетельствует, что их объединяет чувство уязвленного этнического самосознания, но биографическому тексту последнего, как «врага народа» в прошлом, присуща четко артикулируемая обостренная этничность. При реконструкции этносоциальной истории карелов – главной общей темы – все три автора используют документальные и статистические

данные, научные публикации, а также собственные воспоминания и интерпретируемые ими коллективные родовые знания. Общим для них являются и типичные этнопсихологические и социально-политические дискурсы социалистической эпохи. Будучи так или иначе адаптированными к советской власти, каждый из них демонстрировал свою приверженность ей⁷⁵. Исходя из существующих идеологических стандартов, давящей структурной мифологической схемы, выстраивалась и сближающая их биографии этносоциальная составляющая. Вместе с тем, присутствующие в нарративах типичные концепты и объяснительные мотивации выражены каждым из карельских краеведов глубоко индивидуально – прежде всего, в силу различий личного жизненного опыта, эмоционального и психологического склада.

Особенности биографического мышления нашли отражение и в явно различных представлениях о назначении повествования, о способах демонстрации или скрывания этнической идентичности, заданных рамками внутреннего самоограничения и внешней цензуры. И все же этнические признаки субъективного и объективного свойства фиксируются в качестве основных, сквозных тем нарративов, осознанно или подсознательно избранных А.А. Беляковым, К.В. Манжиным и А.И. Лебедевым.

Они сосредоточены в базовых концептах этнического самосознания: это – память и зна-

ние исторической судьбы своего народа; высокая оценка его коллективных психологических характеристик и поведенческих стереотипов, включая, поло- и социовозрастную структуру карельского крестьянского сообщества; устойчивость его семейно-родовых связей, систему ориентаций в окружающем мире – например, модель межэтнических отношений; понимание значимости запечатления архаичных и конфессиональных ментальных установок, этнической, духовно-культурной и религиозной картины карельского мира. Как носители (пусть в различной степени) родного языка, карельские краеведы глубоко понимали его ведущую роль в сохранении народа, культуры и даже памяти о нем. Для человека мир его родного языка, по выражению М. Хайдеггера, – «дом бытия», «самое интимное лоно культуры». Именно этим объясняется интерес к сбору топонимических данных, составлению словарей, включению известной с детства повседневной лексики в описания на русском языке, но самое главное – к записи обрядового, устного и письменного фольклора.

Таковы предварительные наблюдения, однозначно подтверждающие перспективность использования письменных нарративов для углубления знаний о характере, детерминантах и динамике этнического самосознания тверских карелов на протяжении XX в.

¹ Thompson P. Historiker und Mündliche Geschichte // Mündliche Geschichte und Arbeitsbewegung / Hrsgs. Botz G., Weidenholzer J. Wien: Hermann Böhlaus Nachf, 1984. S. 55–84; Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии. 1993. – № 1–2. – С. 129–138; Его же. Голос прошлого. Устная история. – М.: Весь мир, 2003; Репина Л.П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории / Ред. Ю.Л. Бессмертный, М.А. Бойцов. – Вып. 2. – М.: РГГУ, 1999; Её же. История исторического знания // Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. История исторического знания: пособие для вузов – М.: Дрофа, 2006; Её же. Биографический подход в интеллектуальной истории // Философский век. – СПб., 2006. – Вып. 32. – С. 101–108; Персональная история / Отв. ред. Д.М. Володихин. – М.: Мануфактура, 1999; Персональная история. Исповедь судьбы / Сост. Д.М. Володихин. – М.: ИВИ РАН, 2001; Петровская И.Ф. Биографика. Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 гг. – СПб.: Logos, 2003; Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. – № 1. – С. 71–89. URL – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-15-21/24-2010-08-30-11->

[20-38/1507-2011-03-26-02-40-14/](http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-15-21/24-2010-08-30-11-20-38/1507-2011-03-26-02-40-14/); Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Ред. колл.: В.В. Семенова, Е.Ю. Мещеркина. – М.: Институт социологии РАН. 1993; Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ / Под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. Труды ЦНСИ. – Вып. 5. – СПб.: ЦНСИ, 1997; Голубович И.В. Язык «историй жизни» и ренессанс биографического метода. URL – Режим доступа: <http://childcult.rshu.ru/article.html?id=60443>; Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Биографический метод. Определение и истоки биографического метода в социологии. URL – Режим доступа: http://society.polbu.ru/devyatko_socresearch/ch08_i.html; Ткаченко Т.Г. Биографический метод в гендерных исследованиях. URL – Режим доступа: http://sstu-socwork.narod.ru/files/gend_sb_www/chapter_1/tkachenko.htm; Бурмистров Е.С. Персональная история каждого человека. URL – Режим доступа: <http://www.ist-bessmertie.narod.ru/statburm.htm>

² Мещеркина Е.Ю. Введение // Биографический метод в социологии. История, методология и практика. – М., 1994. URL – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/2010/11/14/1214796518/Биографический%20метод.pdf>

³ Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях (Вместо предисловия) // История через личность. Историческая биография сегодня / Под редакцией Л. П. Репиной. – М.: Круть. 2005. – С. 12–16.

⁴ Её же. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность. – С. 60, 61, 66.

⁵ <http://www.slovopedia.com/6/205/770839.html>>НАРРАТИВ

⁶ Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. Е.М. Ковалев, – М.: Аспект Пресс, 1996.

⁷ Цветаева Н.Н. Биографический дискурс советской эпохи // Социологический журнал. №1–2. 1999. URL – Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/article/279>; Дутчак Е.Е. Биография старовера-странника: проблемы реконструкции // Вестник Томского государственного университета. 2007. – № 302. – С. 80–83; Дубровская Е.Ю. Воспоминания В.И. Моисеева «В плену у белых» как источник по истории Пудожского края в период Гражданской войны // Историко-культурные традиции малых городов Русского Севера. Мат-лы регион. науч. конф. (7–9 сентября 2006 г.) / Ред. Н.А.Кораблев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 252–265; Её же. Вступительная статья к воспоминаниям И.А. Дубровиной: Дубровина И.А. Воспоминания дочери об А.Ф. Матвееве // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. – № 10. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография. СПб., 2006. С. 72–77 и др.

⁸ Голофаст В. Б. Новые ветры в социологии. URL – Режим доступа http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_New_winds.htm

⁹ Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии. История, методология и практика. – М., 1994. URL – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/2010/11/14/1214796518/Биографический%20метод.pdf>

¹⁰ Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований...

¹¹ Фишман О.М. История малой родины в устных и письменных рассказах тверских карел // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Матер. Межд. науч. конф. / Ред. Н.А. Кораблев. Петрозаводск: КарНЦ РАН – Петрозаводск, 2010. – С. 298–306; Её же. Локальная история в нарративах тверских карел второй половины XX в. // Историческая этнография. – Вып. 4: Источники и методы изучения малых групп в этнографии: Сб. ст. к 60-летию В.А. Козьмина / Ред. И.И. Верняев, А.Г. Новожилов. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 13–29; Её же. Kęgrinräivä в устных и письменных биографиях тверских карел // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: Сб. ст. / Отв. ред. А.К. Байбуриной, Т.Б. Щепанская. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 93–102.

¹² Кирсанов А.Г. Край наш Бежецкий. Калинин: Калининское кн. изд-во, 1964; Край наш бежецкий / А.Г. Кирсанов [сост. и ред. В.В. Козырев]. Вышний Волочок: Ванчакова линия, 2009.

¹³ Беляков А. История и быт карельского населения // Тверская деревня. – Т. 1. Лихославльский район: Энциклопедия / Гл. ред. Г. С. Сергеев. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – С. 39–79; Манжин К.В. Весьегонская свадьба // Весьегонск: краеведческий альманах / Отв. ред. А.Л. Ключарев; ред.-сост.: Зелова С.В. и др. – М.; Весьегонск: Филиал ФГУП «Военное издательство» МО РФ, 2006. – Вып. 1. – С. 125–162.

¹⁴ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Историческая феноменология и изучение России // Общественные науки и современность. – № 6. – 2003. – С. 96.

¹⁵ Цветаева Н.Н. Указ. соч.

¹⁶ Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977. – С. 310.

¹⁷ Фишман О.М. Локальная история в нарративах тверских карел...

¹⁸ ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 44: А.А. Беляков. Эпизоды жизни. Воспоминания.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 3.

²¹ Там же. Л. 4–11.

²² Там же. Л. 14–22.

²³ Головкин А.Н. В краю двух культур. – Ржев, 2005. – С. 144, 145.

²⁴ Карельское дело / автор-сост. В.Виноградов. – Тверь, 1991. С. 13–16; Возвращение к правде (Из истории политических репрессий в Тверском крае в 20–40-е и начале 50-х гг.): Док. и материалы / Отв. сост. В.А. Смирнов, В.В. Феоктистов. – Тверь, 1995. – С. 65.

²⁵ ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29.

²⁶ Там же. Д. 44.

²⁷ Девятко. И.Ф. Указ. соч.

²⁸ ГАТО.Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 18.

²⁹ Там же. Л. 7.

³⁰ Там же. Л. 3 об., 4.

³¹ Свящ. Василий Михайловский. Записка о карелах, поселившихся в Тверской губернии // Тверские епархиальные ведомости. 1882. – № 3. – С. 81–84.

³² ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 18. 3 об.

³³ Цветаева Н.Н. Указ. соч.

³⁴ Сокращенный вариант очерка был опубликован под заголовком «Истоки» в газете «Наша жизнь». 1992. – № 6–8, 11, 13, 15, 19, 22, 31, 37, 40, 42.

³⁵ ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

³⁶ Там же. Д. 25. Л. 3.

³⁷ Беляков А. Почему так названы деревни // Коммунистическая стройка. 1970. 17 ноября; Её же. Помещичья челобитная на карел // «За коммунизм». 1971. 17 июля; Её же. Микшинская волость // Там же. 1973. 15 марта. – С. 4.

³⁸ ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

³⁹ Беляков А.А. Родина первых рун «Калевалы» // «Калининская правда». 1981. 29 авг. – С. 4.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-1367. Оп. 1. Д. 30. Л. 22.

⁴¹ Там же. Л. 124.

⁴² Там же. Л. 158–185.

⁴³ Там же. Д. 25. Л. 150–153.

⁴⁴ Там же. Л. 32.

⁴⁵ Там же. Л. 36.

⁴⁶ Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // ЭО. 1993. № 2. С. 2–13.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Манжин К. Финский ученый в Весьегонском уезде // Ленинский завет. Весьегонск, 1971; Её же. Неласковый прием гостей заморских // Там же. Весьегонск, 1971. 5 января; Её же. Кровавое воскресенье // Там же. Весьегонск, 1996. – № 9; Беляков А., Манжин К., Купцов Б. О чем рассказывают географические названия // Там же. Весьегонск, 1971. № 84–86, 88. 90.

⁴⁹ Впервые часть этого текста была опубликована в переводе на эстонский язык. См.: Manzin K. Karjalaste vanalest ruimakommetest // Läänemeresoomlaste rahvakultuurist. Tallinn, Valgus, 1970. P. 20–32. Полный текст был издан уже после смерти К.В. Манжина. См.: Манжин К.В. Вельсгонская свадьба // Вельсгонск. Краеведческий альманах. – Вып. 1. – М.; Вельсгонск: филиал ФГУП «Военное издательство» МО РФ, 2006. – С. 125–162.

⁵⁰ ТГОМ. Вф. К Вф 20/41 а. Тет. № 1. Л. 1: Жилище и хозяйственные постройки карел Вельсгонского района Калининской области в прошлом и в настоящее время.

⁵¹ Там же. Вф. Мф. № 980. Л. 1: Деревенская постройка в Вельсгонском уезде Тверской губернии.

⁵² Там же Л. 11.

⁵³ Там же. Л. 6–7.

⁵⁴ Там же. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Л. 40.

⁵⁶ АТГОМ. Оп.1. Ед. хр. 710. Тет. II. Л. 13–16: К.В. Манжин Свадьба; народные сказки; рассказы отходников; автобиография.

⁵⁷ Там же. Вф К-Вф, ко 30/42. Л. 4–5: Вельсгонский уезд в годы революции 1905 г.

⁵⁸ Там же. Л. 18–19.

⁵⁹ Там же. Л. 19–20.

⁶⁰ Там же. Л. 53.

⁶¹ См.: Кознова И.Е. Аграрная модернизация в России и социальная память крестьян // Реформаторские идеи в социальном развитии России / Отв. ред. С.А. Никольский. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 222–243.

⁶² Безрогов В.Г. Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций / Отв. ред. Е.А. Вишленкова. – Казань: Мастер-Лайн, 2001. – С. 9.

⁶³ ГАТО. Ф. Р-1523. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁶⁴ Там же. Д. 5. Л. 36: Лебедев А.И.

Тверская Карелия.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. 38–40.

⁶⁷ Там же. Л. 41.

⁶⁸ Там же. Л. 106.

⁶⁹ Там же. Л. 107.

⁷⁰ Там же. Л. 103.

⁷¹ Там же. Л. 116.

⁷² Там же. Л. 77.

⁷³ Там же. Л. 89.

⁷⁴ Там же. Л. 97.

⁷⁵ Девятко И.Ф. Указ. соч.

Этнолокальные соотносительные представления в сельских местностях Поважья в XX – начале XXI века

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ЗИМИНА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Научный сотрудник отдела этнографии русского народа
e-mail: ziminat@mail.ru

В статье на основе полевых материалов дается характеристика представлений жителей трех районов Поважья (бассейн р. Ваги, территориально – Архангельская и Вологодская обл.) о территориальных границах и самобытности своей малой родины, об отличительных этнокультурных чертах, присущих «своим» и «чужим», т. е. соседям из близлежащих или отдаленных поселений.

Ключевые слова: локальные особенности, локальные группы, территориальные группы, малая родина, самосознание, идентификация.

Correlated Ethno-Cultural Notions in Diverse Rural Ethnic Localities in the River Vaga Basin in the 20th to Early 21st Century

TATYANA A. ZIMINA

Researcher, Department of the Ethnography of the Russian People,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: ziminat@mail.ru

On the basis of field materials the author draws characterizing conclusions regarding the notions of the inhabitants of three areas in the basin of the River Vaga, in the Arkhangelsk and Vologda Regions, concerning their territorial borders, the originality of their immediate birthplaces and the ethno-cultural features characteristic of “their own folk” and aliens, i.e. their neighbours from places nearby or farther off.

Key Words: local peculiarities, local groups, territorial groups, immediate birthplace, ethnic self-identity, identification.

В ходе историко-этнографических экспедиций, проходивших в 2003–2011 гг. на территории Поважья (Архангельская и Вологодская обл., бассейн р. Ваги), изучались локальные варианты традиционной русской культуры¹. В зону исследования входили деревни и поселки Аргуновского, Муравьевского, Ракуло-Кокшеньского, Усть-Вельского, Усть-Шоношского, Шоношского сельских поселений (далее – с/п) и Вельского городского поселения Вельского р-на, Верхопаденьского, Ровдинского,

Сюмского, Усть-Паденьского с/п Шенкурского р-на Архангельской обл., Шелотского и Климушинского с/п Верховажского р-на Вологодской обл. Опрос проводился среди жителей преимущественно старшего и среднего возраста (1908–1966 г. р.). Тематика исследования охватывала различные стороны традиционного образа жизни. Одной из тем, по которой в течение шести полевых сезонов собирались сведения, были представления, бытующие у населения, о конкретных локальных группах и об отличии-